

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Университеты России в преддверии «эпохи Великих реформ»

В статье рассматривается процесс постепенных либеральных преобразований в университетах России в начальный период правления императора Александра II.

Ключевые слова: Крымская война, необходимость перемен, попечители университета, студенческое движение, ослабление цензуры, прогрессивные взгляды, университетская автономия.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Universities of Russia before "the Era of Great Reforms"

In the article the process of gradual liberal transformations in Universities of Russia during the initial period of rule of Emperor Alexander II is considered.

Keywords: the Crimean War, necessity of changes, trustees of University, student's movement, weakening of censorship, progressive views, University autonomy.

Национальная трагедия русского народа – Крымская война – открывает новую страницу как в истории Российской монархии, так и в истории российских университетов, которые были, по выражению Н. И. Пирогова, «лучшим барометром [состояния современного. – М. Н., Т. П.] общества» [33, с. 75, 76]. За всю историю Нового и Новейшего времени Россия не терпела столь сокрушительного и постыдного поражения, какое понесла в борьбе за стратегически важные для нее территории Черноморских проливов. Огромная страна, обладавшая самой крупной в Европе армией, не смогла справиться с шестидесятитысячным экспедиционным корпусом коалиции противников, высадившихся в Крыму [31, с. 156]. Внутренние силы великой державы, прежде занимавшей первенствующее положение на международной арене, были подорваны¹. Священный союз, в котором России принадлежала лидирующая роль, фактически распался еще до Крымской войны. Империя, изнуренная борьбой с врагом, с истощенными финансами и подорванным денежным обращением, оказалась в изоляции. Падение авторитета страны за границей² сопровождалось растущим недоверием общества к политике правительства, скрывавшего за бравадой «официального многословия», «блеском лжи» истинное положение дел – «гниль», в оценке П. А. Валуева. Недовольство созданной Николаем I полицейско-казарменной системой административного и военного управления охватило все

общество [27, с. 161, 177], которое было склонно воспринимать поражение считавшейся самой могущественной в Европе русской армии, помимо прочих причин, расплатой за культурное невежество страны, неизбежным результатом губительного курса в области науки и образования, породившего общую научно-техническую отсталость России [25, 365; 39, с. 26].

В этой обстановке в феврале 1855 г. пришел к власти старший сын Николая I Александр II, еще при жизни прозванный освободителем. Восстановление былого престижа России на мировой арене, возвращение величия монархии и авторитета ее властителя, расширение и усиление империи после ее бесславного поражения в Крымской войне составляли круг первоочередных государственных забот нового самодержца. Приоритет имперских интересов в планах и деятельности нового царя был очевиден, поэтому все грядущие преобразования в России были поставлены в прямую зависимость от успехов внешнеполитического курса страны. Вместе с тем давление обстоятельств, логика событий, «уроки» Крымской войны заставили Александра II, совсем не склонного к «либеральничанью»³, вступить на путь реформ. При этом ни он, ни его ближайшее окружение не имели никакой продуманной программы их осуществления⁴, чем и объясняются шаткость, неустойчивость, непоследовательность и противоречивость при осуществлении всех преобразований, в том числе и в

сфере образования, окрещенных современниками «политикой немислимых диагоналей» [27, с. 186, 187, 189]. Вместе с тем отказаться от принятия новых решений, не укладывавшихся в «прокрустово ложе» николаевского режима, он был не в состоянии – к этому его вынуждали не только международное и внутреннее положение Российской империи, но и «дух времени», который всколыхнул еще совсем недавно «дремавшее» и запуганное тюрьмами и ссылками русское общество, «воспитанное в николаевском рабстве», привыкшее «преклоняться перед всякою силою» [12, с. 337].

Однако даже при наличии всех благоприятных сопутствующих факторов для осуществления давно назревших серьезных перемен потребовалось потратить немало времени на «внутреннее восхождение» нового российского императора к осознанию целесообразности реформирования страны, что не могло происходить безболезненно для него – зрелого человека с уже сложившимися убеждениями, идеологическими установками, нравственными принципами. Это было особенно заметно в тех сферах жизни державы, которые напрямую не были связаны с ростом международного престижа России. К их числу принадлежала и сфера просвещения, занимавшая в проектах преобразований монарха периферийное место.

П. Д. Боборыкин в своих воспоминаниях отмечал, что даже на «девятом месяце нового царствования в порядках еще не чувствовалось... перемены. Новых освободительных веяний не носилось в воздухе» [2, с. 76]. Император, удрученный итогами Крымской войны и поисками наиболее приемлемого для России мирного договора, казалось, был абсолютно равнодушен к учебному делу и проблемам просвещения. Помощник министра народного просвещения А. С. Норова профессор А. В. Никитенко вспоминал о рассеянности и невнимательности императора к вопросам образования, никак не связанным с Восточной войной, его некомпетентности в обсуждавшихся делах [7, с. 414].

На первом году царствования Александра II в стране продолжал действовать «гнусный давидовский комитет» [7, с. 380], учрежденный в 1850 г. для рассмотрения учебных книг и руководств; функционировал и «блудовский комитет», стремившийся отвоевать у Министерства народного просвещения право на окончательное утверждение всех дел в области образования [7, с. 414]; цензурные законы, распоряжения и повеления, принятые еще при Николае I, фактически сохраняли силу до 1865 г. [26, с. 206], хотя негласный бутурлинский Комитет второго апреля был закрыт

в декабре 1855 г. [7, с. 409; 8, с. 50]. А. С. Норову и А. В. Никитенко пришлось предпринять немало хитроумных комбинаций для того, чтобы восстановить значение Главного правления училищ, многие годы существовавшего лишь формально, и возродить Ученый комитет Министерства народного просвещения, который был упразднен в начале 30-х гг. [7, с. 380]. Согласившийся на эти структурные изменения в Министерстве Александр II, тем не менее, потребовал от А. С. Норова приблизить устройство Главного правления училищ, в котором, «потонул» комитет И. И. Давыдова, к Совету военно-учебных заведений [10, с. 347]. Кроме того, он превратил Главное правление училищ в «самостоятельную коллегия с правом протестовать против решений министра... в важнейших... вопросах образования, воспитания и управления» [7, с. 436], взяв, таким образом, «опеку» над Министерством народного просвещения в свои руки.

Убеждение в необходимости перемен у Александра II складывалось постепенно, в значительной степени под давлением его ближайшего окружения, в котором открыто заговорили о «беспредельном и всеобщем» озлоблении против старых порядков и стали ратовать за избавление от прежней системы, «отжившей свой век» [7, с. 422; 27, с. 161, 162]. Император не смог избежать и влияния сложившейся вокруг него либерально-бюрократической группировки, члены которой разделяли просветительские идеи: критическое отношение к старым порядкам и отжившим представлениям.

Неформальным лидером либеральной группировки стал брат царя – генерал-адмирал флота Константин Николаевич, за которым закрепилась репутация «защитника и главы партии всех мыслящих людей» [8, с. 25].

При недостаточном опыте управления государством и отсутствии четких ориентиров и перспектив в грядущих преобразованиях Александр II поначалу делал очень робкие шаги в сфере просвещения. Он дал ход мерам, одобренным еще покойным царем. Восстанавливалось утраченное в 1852 г. право профессоров, выслуживших двадцатипятилетний срок, но продолжавших заниматься преподавательским трудом, на получение пенсий сверх жалованья [7, с. 410, 411; 10, с. 349]. В С.-Петербургском университете был открыт факультет восточных языков, которого лишился Казанский «храм науки» [7, с. 379, 391, 417]. Новый факультет состоял из девяти кафедр, заменявшихся министром просвещения на основе «общего» Устава университетов 1835 г. Для практического усовершенствования

вания стипендиатов четырехгодичный курс обучения дополнялся еще одним годом [10, с. 358]. Император наложил запрет на решения попечителей Московского и С.-Петербургского университетов определять на военную службу студентов, «не окончивших курс», то есть не завершивших процесс обучения [7, с. 415].

С декабря 1855 г. наметились более ощутимые сдвиги, направленные на отмену наиболее стеснительных постановлений «мрачного семилетия». Было принято постановление о снятии всех ограничительных мер по набору студентов – так называемого «комплекта» из трехсот своекоштных учащихся немедицинских факультетов университетов. Высочайшими повелениями разрешалось принимать неограниченное число студентов, а учащимся медицинских факультетов – переводиться на другие направления обучения [10, с. 361].

В том же 1855 г. император дал согласие на то, чтобы изъять управление Московским, Киевским и Харьковским учебными округами из ведения генерал-губернаторов и передать его в гражданские руки [7, с. 410, 415]. Генералы В. И. Назимов, А. А. Васильчиков, С. А. Кокошкин были удалены от университетских дел. Получил отставку и попечитель С.-Петербургского университета М. Н. Мусин-Пушкин [7, с. 438]. В С.-Петербурге попечителем стал князь Г. А. Щербатов, в Москве – сенатор и будущий министр народного просвещения Е. П. Ковалевский, в Киеве – зять декабриста С. П. Трубецкого Н. Р. Ребиндер, Одесский учебный округ возглавил ученый Н. И. Пирогов, в Казань был отправлен известный писатель князь П. П. Вяземский. Их объединяло то, что они интересовались научными и учебными делами, были вежливы и доступны в обращении, отличались «модными» в то время либеральными взглядами [38, с. 107]. Впрочем, имперским бюрократам и боевым генералам также нашлось место среди попечителей университетов. Харьковский учебный округ оказался под властью тайного советника Г. А. Катакази, а с 1857 г. – действительного тайного советника П. В. Зиновьева; Казанским управлял тайный советник Э. А. Грубер, Дерптским – тайный советник Е. Ф. фон-Брадке; во главе Виленского стоял генерал-лейтенант барон Е. П. Врангель⁵.

Следует также иметь в виду, что полномочия попечителей, позволявшие им чувствовать себя истинными хозяевами университетов, не были поколеблены. Они председательствовали в совете университета [8, с. 21] и контролировали его деятельность, участвовали в процедуре избрания профессоров и представления их министру про-

свещения [7, с. 444], опекали образовательные учреждения своего учебного округа и направляли в них инспекторов [7, с. 415], им принадлежала полицейская власть над «академическим сословием» [17, с. 31], в том числе и право наложения дисциплинарных санкций на провинившихся студентов [8, с. 47]. Попечителям вверялась судьба университетов, поэтому позже они примут самое непосредственное участие и в обсуждении нового университетского Устава 1863 г.⁶ [8, с. 15].

С 1856 г. начался процесс восстановления «нормального порядка» учебной жизни университетов. В столичных университетах было прекращено преподавание военных наук (артиллерии и фортификации), а также остановлены занятия по строевой подготовке – экзерциции; вновь были открыты кафедры государственного права европейских держав (1857), снят запрет с преподавания истории философии (1859) – «науки, по преимуществу проясняющей истину и разрушающей предрассудки и стремления к материализму» [10, с. 357]. В 1860 г. во всех университетах восстанавливалась кафедра истории философии, логики и психологии, а отстраненным по просьбе Московского и Киевского митрополитов от чтения этих дисциплин профессорам богословия были сохранены «права и оклады ординарных профессоров».

Новые веяния самым благоприятным образом сказались и на положении других преподавателей.

В 1856 г. по инициативе Главного правления училищ был аннулирован запрет на публичную защиту диссертаций, установленный в 1849 г. Отныне пригласительные билеты и письменные разрешения университетского начальства стали считаться излишними, и на «диспут», сопровождавший произведение кандидата в ученую степень, могли приходиться все желавшие [7, с. 435, 460; 8, с. 113].

В 1859 г. было восстановлено право университетов и Академии наук выписывать из-за границы книги и периодические издания без рассмотрения их цензурой [10, с. 357, 358].

Все названные нами преобразования в университетском вопросе, произошедшие в первые годы царствования Александра II, свидетельствовали о том, что правительство постепенно отступало от курса Николая I, претворение которого в жизнь довело университеты «до болезненного состояния», «острого болезненного кризиса» [22, с. 377]. По словам публициста конца XIX – начала XX в. Г. А. Джаншиева, «университеты де-факто понемногу заняли положение, бывшее до этого времени, и университетские

коллегии стали получать снова некоторое влияние на ход дел, хотя попечители по-прежнему продолжали быть настоящими хозяевами» [25, с. 355]. Решившись на отмену наиболее одиозных распоряжений своего предшественника, Александр II все же не был склонен в полной мере отпочковаться от наследия своего отца – радикализм в решениях ему не был свойствен, поэтому воля Николая I, ограничивавшая самоуправление университетов, первые пять лет нового царствования продолжала сохранять свою живучесть в одном из самых актуальных аспектов жизни флагманов высшего образования России – университетской автономии. Постоянно оглядываясь назад, самодержец разрешит возобновить выборы ректоров и проректоров в соответствии с точными правилами Устава 1835 г. только в 1861 г. Через год он позволит снять еще один запрет николаевского режима – veto на приглашение зарубежных ученых работать в университетах России [10, с. 356, 357].

Колебания Александра II между либеральными мерами и новыми «стеснениями» объяснялись не только двойственностью его внутренней политики [39, с. 34]. Одной из главных причин, мешавших монарху вернуть университетам автономии, было оформившееся в середине 50-х гг. XIX в. студенческое движение.

Ему посвящено немало публикаций, появившихся как по «горячим следам» (в результате анализа писателями-публицистами материалов прессы, дневников участников и очевидцев, собственных впечатлений и размышлений [19–22, 24, 25, 29, 30]), так и значительно позже, в советский период жизни нашей страны, когда авторы специальных и обобщающих трудов стремились определить «место университетской молодежи» в революционной ситуации 1859–1861 гг. [34, 37, 39], со временем получившей название «общероссийское демократическое движение» [38, с. 69] и «освободительное движение 1861–1864 гг.» [28, с. 225, 227].

Мы не стремимся к исчерпывающему освещению данного вопроса. Обращение к студенческому движению привлекает нас прежде всего потому, что оно позволяет более рельефно ощутить «колорит» рассматриваемой эпохи, понять историко-культурный контекст осуществления реформаторской политики правительства, воссоздать атмосферу университетской жизни. Кроме того, нас интересуют юридические аспекты взаимоотношений власти с академическим сообществом, создававшие правовое поле для деятельности университетов, а поскольку студенческое движение 50–60-х гг. XIX в. вносило кор-

рективы в избиравшийся государством курс в сфере высшего образования, то и обойти молчанием эту сторону взаимодействия власти и университетского общества мы не вправе.

Массовое, всколыхнувшее все университетские центры России студенческое движение, достигшее своего апогея в изучаемый период в 1861 г., имело недолгую по продолжительности предысторию. Как отмечает С. Ашевский, его подготовительный период длился не менее пяти лет, так как «принижённые и забытые николаевским режимом студенты... не могли сразу вступить в серьезную борьбу... – нужно было известное время для обновления рядов студенчества свежими силами и для развития в его среде духа солидарности» [20, с. 48].

С начала царствования Александра II, когда наметились предпосылки к обновлению социально-экономического уклада и связанной с ним системы ценностей России, старые университетские порядки поколебались. Мысли о превращении университетов в кадетские корпуса были оставлены, ограничительные распоряжения 1849 и 1850 гг. – отменены, и «глухо замкнутые двери николаевских университетов» [22, с. 380], прежде подчинявшиеся строжайшей дисциплине, придирчивому отношению попечителей и инспекторов, распахнулись для студентов и вольнослушателей разных возрастов и социального происхождения. Академические аудитории, отныне не лимитированные «комплектном», стали заполнять своекоштные семинаристы и разночинцы, представители родовой и денежной аристократии, офицеры, «правоведы и лицеисты... оставлявшие свои привилегированные заведения ради университета» [19, с. 19]. В этом невиданном прежде движении к знанию, к науке, сконцентрированной в университетах, скрывалось многое: потребность молодых людей примкнуть к наиболее просвещенной и передовой части российского общества, желание избавиться от устаревших представлений, попытка принять участие в подготовке решительных преобразований, стремление ощутить себя в эпицентре важных для России перемен, окрещенных современниками «оттепелью» [12, с. 348; 17, с. 31].

А. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях специально обратил внимание на пестрый состав студентов и вольнослушателей как на одно из самых ярких проявлений изменявшейся университетской жизни нового царствования: «В то время университет как-то сам собой открылся для всех желающих; даже не надо было записываться в вольнослушатели, а просто – приходи и слушай. В аудиториях постоянно можно было

видеть воспитанников Римско-католической духовной академии, чиновников, офицеров, особенно из высших учебных заведений... Нередко появлялись известные литераторы, учителя, профессора других учебных заведений...» [19, с. 20]. Среди посторонних слушателей было немало и женщин [30, с. 202, 222], присутствие которых на занятиях, сочувственно воспринятое начальством в С.-Петербургском, Киевском и Харьковском университетах, было встречено в штыки в Москве и Дерпте [19, с. 21, прим.].

В начале 60-х гг. количество студентов в университетах быстро возросло. Самым многочисленным оставался Московский университет, где в 1858 г. обучалось 1760 студентов (против 975 человек в 1853 г.). За ним следовал Киевский, численность студентов которого увеличилась за пять лет (по сравнению с 1853 г.) на пятьдесят процентов, а с 1859 г. – С.-Петербургский, где стало обучаться 1026 человек (в «мрачное семилетие» их было в три раза меньше) [38, с. 240, табл. 6]. Наибольшее количество студентов получало образование на медицинских факультетах, избежавших принудительного «комплекта»; сюда поступали все, желавшие обучаться в университетах, даже не имея для этого ни соответствующего уровня знаний, ни призвания [29, с. 187]. С начала шестидесятых годов численное первенство перешло к юридическим факультетам, что объясняется потребностью в квалифицированных юристах при проведении в жизнь земской и судебной реформ. Самыми малочисленными оставались историко-филологические факультеты, где бывали выпуски, не превышавшие одного-двух человек [38, с. 240].

По социальному составу во всех российских университетах тех лет численное преимущество оставалось за дворянами. На это указывает, к примеру, Р. Г. Эймонтова. По ее подсчетам, в С.-Петербургском университете к началу 1861 г. сыновья дворян и чиновников составляли 80 %, в Киевском – более 75 %, в Московском – свыше 65 %. [38, с. 242, 243, табл. 8]. Наиболее высокий процент разночинцев и выходцев из податных сословий был в Казанском и Харьковском университетах [38, с. 243]. Однако, если учесть, что многие студенты из дворян не принадлежали к помещичьей среде или были выходцами из мелкопоместных семей, не возникает сомнений в том, что они испытывали материальные лишения наравне с теми, кто стоял ниже их по сословной принадлежности. К примеру, П. А. Капнист, поступивший в Московский университет в 1860 г., вспоминал, что в полтавском землячестве, членом которого являлся и он, только пятеро студен-

тов из тридцати были обеспеченными, остальные считались «нуждавшимися» [29, с. 199]. С. Ашевский также подтверждает информацию о наличии в университетах большого количества юношей, терпевших настоящую нужду: «Несмотря на то, что в университеты поступали большей частью сыновья дворян, среди студентов было много бедноты... Ни широкое освобождение от платы⁷, ни раздача казенных стипендий не могли удовлетворить» нужду тех, кто принадлежал к так называемому «студенческому пролетариату» [19, с. 31]. Плохо одетые, «без каляш и теплого платья», а иногда и просто в лохмотьях, не имевшие своего угла, жившие впроголодь студенты, которых особенно много было на младших курсах, своей «вопиющей нищетой» вызывали сочувствие и сокурсников и преподавателей, некоторые из которых, к примеру профессор Московского университета М. Н. Капустин⁸, сами стали инициаторами создания общих студенческих касс для оказания помощи «недостаточным» [29, с. 195–197].

Большой прилив исключительно «пестрой» по происхождению, достатку, возрасту массы студентов ставил университетскую инспекцию и полицию в сложные условия: им становилось труднее отслеживать «неполадки» и контролировать настроения учащихся. Надзор за студентами начал ослабевать. «Охота» инспекторов за незастегнутыми пуговицами и крючками прекратилась. Прежние запреты на форму одежды, длину волос, поведение в аудиториях и за пределами университетов смягчились. Инспектора, уже не решавшиеся пугать провинившихся наказанием карцером, стали ограничиваться одними только устными замечаниями. Там же, где инспекция вела себя по старинке, число проступков заметно возрастало, так как студенты демонстративно нарушали правила, которые еще в 1855 г. считались несокрушимой нормой [20, с. 48; 38, с. 243, 244]. Даже казеннокоштные, прежде находившиеся под круглосуточным наблюдением университетской полиции, с 1858 г. обрели независимость от надзирателей за их бытом, поскольку были расселены из университетских «общежитий» на частные квартиры. Не дожидаясь официальных разрешений об отмене форменной одежды (это произойдет в 1861 г.), студенты стали появляться на занятиях в национальных костюмах, экстравагантной «народной» одежде, например, «русских» сапогах и рубахах, эпатировали прохожих наброшенными на полуголоое тело звериными шкурами и синими очками [19, с. 20]. Они стали отращивать бороды и усы, отпускать длинные волосы. В университетах было разрешено

курить в специально отведенных для этого начальством комнатах, и эти «курительные» вскоре превратились в наиболее удобные для организации студенческих сходок места.

Изменявшиеся манеры, привычки, облик студентов свидетельствовали о том, что сознание учащейся молодежи стало более раскрепощенным – страх перед произволом университетской администрации, который раньше сковывал мысли и поведение студентов, в условиях начавшейся либерализации России стал постепенно исчезать.

Это было заметно не только преподавателям, но и студентам выпускных курсов. Д. И. Писарев, к примеру, мог это наблюдать, обучаясь в Московском университете. Он писал: «Уже в 1858 и 1859 годах студенты, поступившие в университет, не были похожи на нас, студентов III и IV курсов. Поступая в университет, мы были робки, склонны к благоговению, расположены смотреть на лекции и слова профессоров как на пищу духовную и на манну небесную. Новые студенты, напротив того, были смелы и развязны и оперялись чрезвычайно быстро, так что через какие-нибудь два месяца после поступления они оказывались хозяевами университета...» [9, с. 178].

Новое поколение студентов, мировоззрение которого складывалось под влиянием роста крестьянского и общественного движения, усиления оппозиционных настроений, распространения просветительских и демократических идей, не было готово мириться с «патриархально-школьным» строем университетов⁹, считая его наследием бесславного николаевского прошлого. В отличие от старшего поколения (своих родителей, гимназических наставников, университетских профессоров), долгое время жившего одни лишь «ожиданиями перемены», но не определившего... в чем именно [она. – М. Н., Т. П.] должна состоять», стремившегося на словах «вырваться из николаевской тюрьмы», но не знавшего, к чему, кроме «брани, обличения и отрицания» всего существующего, направить свою деятельность [12, с. 337, 346], новая генерация студентов, которую либеральная пресса заклеймила стать носительницей «наиболее передовых, прогрессивных идей общества», была решительно готова «к личному непосредственному участию в переживаемых событиях» [22, с. 379, 381]. А. В. Никитенко, более тридцати лет проработавший в С.-Петербургском университете, в своем «Дневнике» многократно повторял суждение о том, что «протест и оппозиция», ставшие неизбежными явлениями эпохи Александра II, были порождены деспотизмом Николая I, который «двадцать девять лет восставал против мыс-

ли», подчинял ее дисциплине, «простиравшейся до совершенного пренебрежения высшими начальниками нравственности» [7, с. 462; 8, с. 67, 168].

Ассоциируя «оттепель», начавшуюся «во внутренних делах России» с 1855 г., с возможностями незамедлительных коренных общественно-политических преобразований, студенческая молодежь «лихорадочно, восторженно, часто необдуманно, но всегда искренне старалась... всюду применить свои силы, всюду сказать свое слово» [22, с. 381].

К этому ее подстрекала и свободолюбивая пресса – демократическая журналистика, осмелевшая после ликвидации бутурлинского Комитета второго апреля. «С прекращением ее надзора цензура... сразу почувствовала отсутствие домклова меча и, в известной мере, поддалась – бессознательно и невольно – духу новых веяний» [23, с. 275]. Уже в 1858 г., по сообщению А. В. Никитенко, в России «расплодилась» масса периодических изданий – цензуре становилось не под силу «пересматривать» их полностью. Основное внимание карающих и запрещающих литературных инстанций обрушивалось на главных «умственных кормильцев» образованной части общества: «Русский вестник», «Отечественные записки», «Современник», «Библиотека для чтения», из газет – «С.-Петербургские ведомости» [8, с. 56]. Но и в них, несмотря на препоны, стали появляться материалы, содержавшие «слишком смелые суждения... несогласные с видами правительства», в которых рассматривались злободневные вопросы современности и содержались призывы к более активным нововведениям [23, с. 275, 276]. Студентам удавалось доставать и запрещенную литературу, которая попадала в Россию вопреки заслонам и препятствиям, предназначенным для пресечения каналов ее проникновения [30, с. 196]. Издания Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева: «Колокол» и «Звезда» – нашли своих преданных поклонников среди студентов, зараженных марксистской и социалистической идеологией. Б. Н. Чичерин сообщает в том, что в Московском университете «по рукам ходили беспрепятственно в оригинале и в литографированных переводах сочинения Фейербаха, Бюхнера, Молешотта и всякие социалистические издания... Социалистические учения... выдавались за последнее слово науки... В Петербургском [университете. – М. Н., Т. П.], подверженном непосредственному влиянию Чернышевского... дело обстояло еще несравненно хуже» [17, с. 16].

Жадные до оппозиционных идей и крамольных мыслей студенты рубежа 50–60-х гг. могли

удовлетворить и свои научные интересы, и жизненные амбиции на лекциях профессорско-либералов. «Тоскующие от неудовлетворенного стремления приносить пользу», они, по словам Д. И. Писарева, в «неопределенных, но часто теплых выражениях» сначала говорили только «о честной деятельности, о подвиге жизни, о самоотвержении во имя человечества, истины, науки, общества». Но и этих отвлеченно-идеалистических мечтаний было достаточно, чтобы посеять в сознание слушателей «желание сделать хорошее дело и пострадать за правду», – приобретенный настрой уже не позволял студентам «ужиться» с прежними «стеснительными условиями» [9, с. 17–19].

Окрыленные началом «оттепели» преподаватели с передовыми взглядами стали более настойчиво и откровенно пропагандировать свои убеждения, которые коррелировали с пользовавшимися тогда колоссальной популярностью идеями ограничения самодержавия, народного представительства, ликвидации сословных различий, полной свободы печати. А. В. Никитенко отразил эти изменения «мироощущения» своих коллег в «Дневнике»: «Многие у нас теперь... начинают толковать о законности и гласности, о замене бюрократии в администрации...» [7, с. 422].

Постепенно уходявшие в небытие меры, сковывавшие научную деятельность в университетах, в частности запрещение к преподаванию целых разделов и отраслей наук, давали возможность преподавателям обсуждать в аудиториях современные проблемы политэкономии, истории, юриспруденции, а если этого не удавалось сделать, – выносить их на страницы либеральной печати, освещать на публичных лекциях [8, с. 145], принявших на рубеже 50–60-х гг. невиданный размах и в столице Российской империи, и в Москве [38, с. 145].

Помимо возвращения в университеты запрещенных наук и ослабления цензурного гнета, была еще одна – ведущая – предпосылка выхода университетского образования из состояния длительного застоя: это обновление к концу 1862 г. почти наполовину профессорско-преподавательского состава [38, с. 108]. На смену профессорам николаевских времен приходили люди иного склада. Им были близки просветительские и либеральные идеи, их интересовали открытия в науке и новые веяния в жизни, они обладали стремлением к самостоятельному научному поиску. Более свободные, чем их предшественники, в выборе общественно-политических идеалов, они разделяли весь спектр оппозиционных направлений русской об-

щественной мысли. Среди них были петрашевцы (к примеру, братья А. Н. и Н. Н. Бекетовы, Б. И. Утин), умеренные либералы (Б. Н. Чичерин), «левые» либералы (К. Д. Кавелин), демократы (А. П. Шапов, А. В. Петров, А. Н. Пыпин).

В профессорско-преподавательском составе заметно возрос вес молодых, двадцати-двадцатидевятилетних ученых. Они составляли круг «молодых профессоров», успешно окончивших «курс» и прямо со студенческой скамьи перешедших на кафедру (А. Н. Пыпин, А. В. Романович-Славатинский, А. П. Шапов). Им посчастливилось работать с лучшими преподавателями 30–40-х гг.: Т. Н. Грановским, М. Т. Каченовским, М. М. Луниным, Н. А. Милютиным, П. В. Павловым. «Молодым профессорам» удавалось близко сходить с студентами – разница в возрасте и взглядах у них была ничтожна. Именно они пользовались наивысшим доверием и влиянием в студенческой среде [38, с. 118, 119]. От них ждали интерпретации новейших западноевропейских учений, пропаганды модных – «революционных» – теорий (в естествознании, к примеру, таковой считалась эволюционная теория Ч. Дарвина), отхода от скучной фактографии к философскому осмыслению исторических и естественно-научных данных, знакомства с актуальными методами научных исследований. Помимо просветительской работы, молодежь ожидала получить от преподавателей злободневную информацию, потому что с профессорской кафедры это было сделать легче, чем в подверженной цензуре печати. «В тех условиях даже простая информация о явлениях, не укладывавшихся в рамки тогдашней российской действительности (а тем более столь распространенные тогда критические суждения о ней), производила сильное впечатление на восприимчивую молодежь. Сопоставление теории с действительностью, форм государственной и общественной жизни в России и в передовых странах Запада наталкивало на размышления. Выводы, которые делали из услышанного на лекции молодые слушатели, далеко не всегда совпадали со взглядами профессора. Расширяя кругозор учащейся молодежи... возбуждая пылкость и настойчивое стремление добраться до истины, университетская наука содействовала проникновению в молодое поколение критического отношения к официальной идеологии и существующим порядкам... создавала объективные предпосылки, благоприятствовавшие включению университетской молодежи в освободительное движение», – считает Р. Г. Эймонтова [38, с. 229, 230].

В настоящей фаворе у студентов были те профессора, которые, не таясь, выражали на занятиях прогрессивные общественные стремления: установление политической свободы, гражданского равноправия, справедливых законов, а своим возмущением политикой правительства и нежеланием мириться с крепостничеством и абсолютизмом формировали у слушателей новые этические и общественные идеалы¹⁰.

Не случайно поэтому А. В. Никитенко, разделявший программу либеральных преобразований России, но не причислявший себя к «красным», обвинял тех преподавателей С.-Петербургского университета, кто путал кафедру с трибуной и подменял науку политикой. Он был уверен в том, что «в проделках молодых людей [так он называл студенческие волнения. – М. Н., Т. П.] не столько виноваты они, сколько наставники и руководители, возбуждающие в них преждевременно либеральное движение, вместо того чтобы сообщать здоровые и точные идеи науки» [8, с. 263]. К 1862 г. многим профессорам, даже прежде занимавшим «левые» либеральные позиции, например Н. И. Костомарову, «перекосы» научного содержания лекций в сторону общественно-политической агитации стали казаться «пустым либеральничаньем» [8, с. 263]. Но именно чрезмерная политическая ангажированность занятий дала повод Е. В. Путятину, ставшему в 1861 г. министром просвещения, сообщить шефу жандармов главную, по его мнению, причину студенческих беспорядков: «С некоторого времени студенты под влиянием некоторых профессоров стали смотреть на университеты не как на учебные заведения для высшего образования, но как на учреждения, в коих должны вырабатываться идеи о лучшем управлении государством, а на себя самих – как на деятелей, призванных играть роль в политическом существовании России» [38, с. 266].

«Вредное преподавание профессоров», наряду со свободно распространявшимися среди учащихся «запрещенными и возмутительными сочинениями», руководитель III отделения шеф жандармов П. В. Долгоруков называл главными причинами с каждым годом укреплявшегося «политического направления» в университетах [38, с. 252].

Новые попечители университетов, оказавшиеся при А. С. Норове во главе этих основных центров просвещения России, тоже сделали немало опрометчивых шагов, дав им так называемые «излишние льготы» [17, с. 40], благодаря которым у студентов пропал интерес к академическим занятиям, постепенно вытеснявшийся бо-

лее важными, в их понимании, общественно значимыми делами. К примеру, Е. П. Ковалевский, попечитель Московского учебного округа, поддерживая репутацию «образованного, тактичного, гуманного администратора», продемонстрировал свое увлечение «порывами времени», когда в 1856 г. отменил все ограничения 40-х гг., предоставил Московскому университету значительную автономию во внутренних делах [35, с. 293], разрешил студентам устраивать кружки, проводить литературные беседы, издавать свой сборник под названием «Изобличитель» [19, с. 26].

Н. Р. Ребиндер разрешил преподавателям Киевского университета не следовать утвержденным программам и руководствам, осуждал николаевскую эпоху и уверял профессоров в том, что она никогда не повторится [38, с. 107].

Попечитель С.-Петербургского университета князь Г. А. Щербатов положил почин студенческим сходкам, разрешив в конце 1856 г. студентам дважды в месяц собираться по факультетам в специально отведенных для этой цели помещениях гимназий. Юноши, поначалу заинтересованные только в опубликовании своих первых научных изысканий, загорелись идеей создания особого «Сборника» [7, с. 458]. Подготовкой «Сборника», имевшего три выпуска в 1857, 1860 и 1866 гг., ведал комитет из двенадцати студентов под руководством профессора М. И. Сухомлинова. Выборы редакционной коллегии, заведование своим первым самостоятельным делом, поиски средств на издание подготовленных к печати материалов сближали и объединяли студентов всех курсов и факультетов, способствовали осознанию общих интересов и развитию корпоративной солидарности учащейся в университете молодежи, делает вывод И. Н. Бороздин [22, с. 382, 383]. Не желая оставаться в стороне от начавшегося в России обновления, студенты уже в первом выпуске, невзирая на то, что он был напечатан в типографии Его Императорского Величества, осмелились сказать «свое слово», замаскированное под рубрику «Летопись внутренней жизни Петербургского университета», о «вопиющих», незамечаемых обществом недостатках, требующих «обновления» России и избавления ее от «многочисленных и многообразных общественных ран» [19, с. 26]. Вскоре, помимо «Сборника», студенты приступили к созданию двух рукописных журналов: «Вестник свободных мнений» и «Колокол», наполненных, по отзыву А. В. Никитенко, «всяческими ругательствами». Г. А. Щербатов, знавший об этой новой инициативе студентов, не пресек ее, а напротив, вызвался быть их цензором. Однако новоиспеченные

литераторы прибегли к откровенным плутовству и мошенничеству в отношении к благоволившему им попечителю: они показывали своему цензору «пять-шесть статей невинных», а затем прибавляли к ним несколько других – уже скандального характера, прикрываясь имеющейся «попечительской санкцией» [7, с. 465].

А. В. Никитенко осуждает попечителя С.-Петербургского университета за то, что он поощрял молодых людей «тратить время на пустяки, которые в конце концов могут вредно отразиться на них самих и иметь пагубные последствия для всего [ученого. – М. Н., Т. П.] сословия и заведения [университета. – М. Н., Т. П.] [7, с. 465]. И он не ошибался в своих увещеваниях, так как студенты, осознав силу корпоративного единства при издании «Сборника» и рукописных журналов, выступили с инициативой учреждения в недрах университета своей «республики». Каждый факультет выдвинул избранных старост, которые составили правительство студенческой «республики» и поручили ему заведование казной, а также выполнение депутатских функций при общении с начальством и руководство всеми студенческими делами [11, с. 96, 97].

Стремление к самоуправлению по образцу столичного университета – в обход университетского начальства – появилось также в Казанском, Харьковском, Киевском и Московском флагманах высшего образования. На первых порах его поддерживали либеральные попечители и профессора, терпело правительство, не предпринимая решительных мер. «Молодежь почувствовала свою силу. Ее положение в университете изменилось. Учащиеся становились там хозяевами», – констатирует Р. Г. Эймонтова [38, с. 259, 260].

Итак, в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. существовало множество причин, которые подталкивали самую чуткую, импульсивную, несдержанную, не склонную к компромиссам часть молодежи – студентов университетов – к проявлению инакомыслия, оппозиционных настроений, свободолобивых помыслов, а позже – и экстремистских наклонностей. Университеты не только стали многолюднее и «пестрее» как по социальному составу, так и по мировоззрению учащихся. Являясь самым чувствительным к веяниям времени «барометром», они уловили атмосферу готовящихся в России кардинальных перемен и сами стали исподволь «подталкивать» медлительное правительство к решительным мерам по избавлению своей родины от рудиментов феодально-крепостнического строя, в том числе и в сфере просвещения.

В 1861 г. профессора Московского университета уже раскаивались в том, что возложили на молодое поколение обязанность быть «не учащимися, а учителями общества», винили себя в том, что, пробуждая в студентах гражданские чувства призывами к активной общественной деятельности, заставили их уверовать в то, что молодежь – «будущая надежда России» – способна взвалить на себя непосильный труд обновления державы, упрекали себя, не способных к жертвенности и резонансным поступкам, за использование совестливости студентов и их наивной веры в возможность быстрых радикальных преобразований отчизны [с. 379, 380].

А. В. Никитенко, задумываясь о том, почему университетское юношество «везде волнуется и пенится», дает такое объяснение: «Льготы последнего времени как бы врасплох застали наше общество. У многих от непривычной свободы закружилась голова, а тем больше у молодых людей, и без того не слишком склонных к умеренности. Человек, внезапно выведенный из тюрьмы на свет... всегда бывает сначала ошеломлен и как будто опьянен. С другой стороны, большинство начальствующих лиц – еще воспитанники старого режима, и они представляют из себя классические образцы неспособности применяться к новым обстоятельствам. Третья причина университетских неурядиц... кроется в самой организации университетов», где существовал лишь один авторитет – внешняя сила [8, с. 46].

Значительно позже, когда появилась возможность более спокойно и взвешенно оценить события прошлого, были сделаны выводы о том, что причинами студенческого движения являлись академическое и политическое бесправие студентов [21, с. 69], оживление «умственного движения» и всей общественной жизни, в которую оказались втянуты студенты [13, с. 15, 25], неумение студентов, излишне восприимчивых к неопределенному общественному мнению и неопределенным политическим теориям, грамотно воспользоваться свободами, ставшими следствием либеральных мер правительства [25, с. 355, 382–384].

Обобщая все известные нам мнения о причинах студенческого движения, мы можем констатировать, что в наэлектризованной ожиданиями реформирования России среде, в подогреваемой передовой прессой атмосфере оппозиции существующим порядкам, при попустительстве свободолобивым веяниям попечителей и необдуманной агитации к противоправным действиям либеральной профессуры, равнодушные к судьбе своей страны юноши, действительно, могли представить себя лидерами «прогресса и

просвещения», которым дано «право на решение всех современных вопросов»¹¹ [38, с. 267].

Библиографический список

1. Аргилландер, Н. А. Виссарион Григорьевич Белинский (Из моей студенческой с ним жизни) [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 97–101.
2. Боборыкин, П. Д. За полвека (Мои воспоминания) [Текст] / под ред. Б. П. Козьмина. – М., 1929.
3. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания [Текст] / Изд. В. Г. Фон-Бооля. – М., 1897.
4. Долгоруков, П. В. Петербургские очерки: памфлеты эмигранта (1860–1867) [Текст]. – М., 1992.
5. Кавелин, К. Д. Наши недоразумения [Текст] // Кавелин К. Д. Избранное / сост., автор вступ. ст., коммент. Р. А. Арсланов. – М., 2010. – С. 403–417.
6. Ключевский, В. О. Московский университет в письмах и записках [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 420–435.
7. Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. [Текст]. – М., 1955. – Т. 1. 1826–1857.
8. Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. [Текст]. – М., 1955. – Т. 2. – 1858–1865.
9. Писарев, Д. И. Наша университетская наука [Текст] // Писарев Д. И. Сочинения : в 4 т. – Т. 2. – М., 1955. – С. 127–227.
10. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 [Текст]. – СПб., 1902.
11. Скабичевский, А. М. Литературные воспоминания [Текст]. – М., 1928.
12. Соловьев, С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других [Текст] // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки / Изд. подг. А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. – М., 1983. – С. 229–350.
13. Спасович, В. Пятидесятилетие Петербургского университета // Спасович В. За много лет: Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и проч. 1859–1871 [Текст]. – СПб., 1872. – С. 1–44.
14. Спасович, В. Ответ г. Юркевичу [Текст] // Там же. – С. 45–56.
15. Феоктистов, Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 [Текст] / под ред. Ю. Г. Оксмана. – Л., 1929.
16. Худяков, И. А. Записки каракозовца. Московский университет (1859–1860 гг.) [Текст] // Московский университет... – С. 436–446.
17. Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Московский университет [Текст] / Вступ. ст. и прим. С. В. Бахрушина. – М., 1929.
18. Арсланов Р. А. Константин Дмитриевич Кавелин [Текст] // Кавелин К. Д. Избранное / сост., автор вступ. ст., коммент. Р. А. Арсланов. – М., 2010. – С. 5–56.
19. Ашевский, С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) [Текст] // Современ-

ный мир : Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – СПб., 1907. – Август. – С. 19–36.

20. Ашевский, С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) [Текст] // Современный мир. – СПб., 1907. – Сентябрь. – С. 48–85.
21. Ашевский, С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) [Текст] // Современный мир. – СПб., 1907. – Октябрь. – С. 48–74.
22. Бороздин, И. Н. Университеты России в эпоху 60-х годов [Текст] // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – Глава VIII. – С. 376–401.
23. Господарик, Ю. П. «У него благородное сердце»: Граф Авраам Сергеевич Норов [Текст] // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. – Т. 1. – М., 2002. – С. 259–278.
24. Григорьев, В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования [Текст]. – СПб., 1870.
25. Джаншиев, Г. А. Эпоха Великих реформ [Текст] : в 2 т. – Т. 1. – М., 2008. – Гл. III. Университетская автономия. – С. 343–393.
26. Жирков, Г. В. Век официальной цензуры [Текст] // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 2. Власть и культура. – М., 2000. – С. 167–264.
27. Захарова, Л. Г. Александр II [Текст] // Российские самодержцы. 1801–1917. – М., 1993. – С. 160–215.
28. История России XIX – начала XX в. [Текст] / под ред. В. А. Федорова. – 3-е изд. – М., 2002.
29. Капнист, П. Университетские вопросы [Текст] // Вестник Европы : Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1903. – Т. VI. – С. 167–218.
30. Лемке, М. К. Молодость «отца Митрофана» [Текст] // Былое: Журнал, посвященный истории освободительного движения. – СПб., 1907. – Январь. – С. 188–233.
31. Мироненко, С. В. Николай I [Текст] // Российские самодержцы. – С. 91–156.
32. Петров, Ф. А., Гутнов, Д. А. Российские университеты [Текст] // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 124–199.
33. Пирогов, Н. И. Университетский вопрос [Текст]. – СПб., 1863.
34. Розенталь, В. Н. Российский либерал 50-х годов XIX в. (общественно-политические взгляды К. Д. Кавелина в 50-х – начале 60-х годов) [Текст] // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. / под ред. М. В. Нечкиной. – М., 1974. – С. 224–256.
35. Чернета В. Г. Министр кануна Великих реформ: Евграф Петрович Ковалевский [Текст] // Очерки истории российского образования. – Т. 1. – С. 279–318.
36. Чернета, В. Г. В эпицентре сухопутных штормов: Граф Евфимий Васильевич Путятин [Текст] // Очерки истории российского образования. – Т. 1. – С. 319–334.

37. Эймонтова, Р. Г. Революционная ситуация и подготовка университетской реформы в России [Текст] // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. / под ред. М. В. Нечкиной. – М., 1974. – С. 60–80.

38. Эймонтова, Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической [Текст]. – М., 1985.

39. Эймонтова, Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века [Текст]. – М., 1993.

Bibliograficheskij spisok

1. Argillander, N. A. Vissarion Grigor'yevich Belinskiy (Iz moyey studencheskoy s nim zhizni) [Tekst] // Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov / sost. YU. N. Yemel'yanov. – М., 1989. – С. 97–101.

2. Boborykin, P. D. Za polveka (Moi vospominaniya) [Tekst] / pod red. B. P. Koz'mina. – М., 1929.

3. Buslayev, F. I. Moi vospominaniya [Tekst] / Izd. V. G. Fon-Boolya. – М., 1897.

4. Dolgorukov, P. V. Peterburgskiy ocherki: pamflety emigranta (1860–1867) [Tekst]. – М., 1992.

5. Kavelin, K. D. Nashi nedorazumeniya [Tekst] // Kavelin K. D. Izbrannoye / sost., avtor vstup. st., komment. R. A. Arslanov. – М., 2010. – С. 403–417.

6. Klyuchevskiy, V. O. Moskovskiy universitet v pis'makh i zapiskakh [Tekst] // Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov / sost. YU. N. Yemel'yanov. – М., 1989. – С. 420–435.

7. Nikitenko, A. V. Dnevnik : v 3 t. [Tekst]. – М., 1955. – Т. 1. 1826–1857.

8. Nikitenko, A. V. Dnevnik: v 3 t. [Tekst]. – М., 1955. – Т. 2. 1858–1865.

9. Pisarev, D. I. Nasha universitetskaya nauka [Tekst] // Pisarev D. I. Sochineniya: v 4 t. – Т. 2. – М., 1955. – С. 127–227.

10. Rozhdestvenskiy, S. V. Istoricheskiy obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902 [Tekst]. – SPb., 1902.

11. Skabichevskiy, A. M. Literaturnyye vospominaniya [Tekst]. – М., 1928.

12. Solov'yev, S. M. Moi zapiski dlya detey moikh, a yesli možno, i dlya drugih [Tekst] // Solov'yev S. M. Izbrannyye trudy. Zapiski / Izd. podg. A. A. Levandovskiy, N. I. Tsimbayev. – М., 1983. – С. 229–350.

13. Spasovich, V. Pyatidesyatiletie Peterburgskogo universiteta // Spasovich V. Za mnogo let: Stat'i, otryvki, istoriya, kritika, polemika, sudebnyye rechi i proch. 1859–1871 [Tekst]. – SPb., 1872. – С. 1–44.

14. Spasovich, V. Otvet g. Yurkevichu [Tekst] // Tam zhe. – С. 45–56.

15. Feoktistov, Ye. M. Vospominaniya. Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896 [Tekst] / pod red. YU. G. Oksmana. – Л., 1929.

16. Khudyakov, I. A. Zapiski karakozovtva. Moskovskiy universitet (1859–1860 god) [Tekst] // Moskovskiy universitet... – С. 436–446.

17. Chicherin, B. N. Vospominaniya. Moskovskiy universitet [Tekst] / Vstup. st. i prim. S. V. Bakhrushina. 0– М., 1929.

18. Arslanov, R. A. Konstantin Dmitriyevich Kavelin [Tekst] // Kavelin K. D. Izbrannoye / sost., avtor vstup. st., komment. R. A. Arslanov. – М., 2010. – С. 5–56.

19. Ashevskiy, S. Russkoye studenchestvo v epokhu shestidesyatykh godov (1855–1863) [Tekst] // Sovremennyy mir: Yezhemesyachnyy literaturnyy, nauchnyy i politicheskiy zhurnal. – SPb., 1907. – Avgust. – С. 19–36.

20. Ashevskiy, S. Russkoye studenchestvo v epokhu shestidesyatykh godov (1855–1863) [Tekst] // Sovremennyy mir. – SPb., 1907. – Sentyabr'. – С. 48–85.

21. Ashevskiy, S. Russkoye studenchestvo v epokhu shestidesyatykh godov (1855–1863) [Tekst] // Sovremennyy mir. – SPb., 1907. – Oktyabr'. – С. 48–74.

22. Borozdin, I. N. Universitety Rossii v epokhu 60-kh godov [Tekst] // Istoriya Rossii v XIX veke. Epokha reform. – М., 2001. – Glava VIII. – С. 376–401.

23. Gospodarik, YU. P. «U nego blagorodnoye serdtse»: Graf Avraam Sergeevich Norov [Tekst] // Ocherki istorii rossiyskogo obrazovaniya: K 200-letiyu Ministerstva obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii: v 3 t. – Т. 1. – М., 2002. – С. 259–278.

24. Grigor'yev V. V. Imperatorskiy S.-Peterburgskiy universitet v techeniye pervykh pyatidesyati let yego sushchestvovaniya [Tekst]. – SPb., 1870.

25. Dzhanshiyev, G. A. Epokha Velikikh reform [Tekst] : v 2 t. – Т. 1. – М., 2008. – Gl. III. Universitetskaya avtonomiya. – С. 343–393.

26. Zhirkov, G. V. Vek ofitsial'noy tsenzury [Tekst] // Ocherki russkoy kul'tury XIX veka: v 6 t. – Т. 2. Vlast' i kul'tura. – М., 2000. – С. 167–264.

27. Zakharova, L. G. Aleksandr II [Tekst] // Rossiyskiye samoderzhtsy. 1801–1917. – М., 1993. – С. 160–215.

28. Istoriya Rossii XIX – nachala XX v. [Tekst] / pod red. V. A. Fedorova. – 3-ye izd. – М., 2002.

29. Kapnist, P. Universitetskiye voprosy [Tekst] // Vestnik Yevropy: Zhurnal istorii, politiki, literatury. – SPb., 1903. – Т. VI. – С. 167–218.

30. Lemke M. K. Molodost' «ottsya Mitrofana» [Tekst] // Byloye: Zhurnal, posvyashchennyy istorii osvoboditel'nogo dvizheniya. – SPb., 1907. – Yanvar'. – С. 188–233.

31. Mironenko, S. V. Nikolay I [Tekst] // Rossiyskiye samoderzhtsy. – С. 91–156.

32. Petrov, F. A., Gutnov D. A. Rossiyskiye universitety [Tekst] // Ocherki russkoy kul'tury XIX veka: v 6 t. – Т. 3. Kul'turnyy potentsial obshchestva. – М., 2001. – С. 124–199.

33. Pirogov, N. I. Universitetskiy vopros [Tekst]. – SPb., 1863.

34. Rozental', V. N. Rossiyskiy liberal 50-kh godov XIX v. (obshchestvenno-politicheskiye vzglyady K. D. Kavelina v 50-kh – nachale 60-kh godov) [Tekst] // Revolyutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859–1861 gg. / pod red. M. V. Nechkinoy. – М., 1974. – С. 224–256.

35. Cherneta, V. G. Ministr kanuna Velikikh reform: Yevgraf Petrovich Kovalevskiy [Tekst] // Ocherki istorii rossiyskogo obrazovaniya. – Т. 1. – S. 279–318.

36. Cherneta, V. G. V epitsentre sukhoputnykh shtormov: Graf Yevfimiy Vasil'yevich Putyatin [Tekst] // Ocherki istorii rossiyskogo obrazovaniya. – Т. 1. – S. 319–334.

37. Eymontova, R. G. Revolyutsionnaya situatsiya i podgotovka universitetskoy reformy v Rossii [Tekst] // Revolyutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859–1861 gg. / pod red. M. V. Nechkinoy. – М., 1974. – S. 60–80.

38. Eymontova, R. G. Russkiye universitety na grani dvukh epokh. Ot Rossii krepostnoy k Rossii kapitalisticheskoy [Tekst]. – М., 1985.

39. Eymontova, R. G. Russkiye universitety na put'yakh reformy: shestidesyatyye gody XIX veka [Tekst]. – М., 1993.

¹ А. В. Никитенко в своем «Дневнике» в разделе «1855 год» написал: «Администрация в хаосе; нравственное чувство подавлено; умственное развитие остановлено; злоупотребления и воровство выросли до чудовищных размеров...» [7, с. 421].

² Близкий ко двору потомок одной из самых древних в России аристократических фамилий П. В. Долгоруков, имевший прозвище «республиканец-князь», в своих «Мемуарах» писал: «Грозный призрак могущества России, пугавший Европу, распался, исчез, и место его уступили в Европе чувства сожаления к русскому народу и презрения к петербургскому правительству» [4, с. 166].

³ Термин С. М. Соловьева [12, с. 339].

⁴ П. В. Долгоруков писал по этому поводу: «Государь, не имеющий определенной политической системы и вовсе не помнящий дел, даже самых несложных, всегда шел то вправо, то влево, беспрестанно меняя свое направление» [4, с. 113].

Профессор С.-Петербургского университета Б. И. Утин считал, что «правительство действовало... наугад, как бы в потемках...» [15, с. 101]. Ему вторил С. М. Соловьев: «...он [Александр II. – М. Н., Т. П.] действовал в потемках, часто шел не туда, спотыкался, озадачивался и трусил там, где нечего было бояться...» [12, с. 337], и добавлял далее: «...никакой системы, никакого общего плана действий» [12, с. 346].

Профессор С.-Петербургского университета А. В. Никитенко отмечал, что даже в 1859 г. «наверху – плачевная неспособность дать какое-нибудь стройное и разумное направление вещам» [8, с. 61].

⁵ Эти назначения были действительно только при министре А. С. Норове. При Е. П. Ковалевском были произведены перестановки. Так, Н. И. Пирогов и Н. Р. Ребиндер поменялись попечительскими местами; в Харьков был назначен генерал-лейтенант Д. С. Левшин. Во главе С.-Петербургского округа оказался И. Д. Делянов. Только П. П. Вяземскому удалось сохранить свой пост [10, с. 341, 343].

⁶ Для контроля, а в случае необходимости – и для противодействия попечителям, в аппарате управления Министерства народного просвещения были сохранены «ультраконсервативные», в оценке А. В. Никитенко, чиновники [8, с. 35]. Они, как «непроницаемая стена из слабых голов и сердец» [8, с. 61], уничтожали даже саму возможность «предпринять и сделать что-либо полезное» [7, с. 448]. «Представления попечителей о самых важных нуждах под-

вергаются страшным задержкам, крючкотворствам, искажениям, не говоря уже о высших вопросах воспитания и образования, на которые не обращается никакого внимания. Многие представления по годам не разрешаются. Канцелярский произвол над всем властвует. Всякая мысль, касающаяся воспитания и образования, всякое ученое лицо, всякая книга находят себе враждебное противодействие в департаментских чиновниках. Министр [А. С. Норов – М. Н., Т. П.] ничего не знает, ничего не видит, а только... подписывает бумаги, содержание которых часто не знает...» [7, с. 446] – такую оценку деятельности Министерства народного просвещения давал лично знакомый со многими представлениями имперской бюрократии, цензор, профессор С.-Петербургского университета А. В. Никитенко в 1856 г.

⁷ Р. Г. Эймонтова утверждает, что в начале 60-х гг. более половины студентов университетов «освобождалось по бедности» от платы за обучение [38, с. 244].

⁸ Интересный факт: профессор международного права Московского университета Михаил Николаевич Капустин (1828–1899) позднее был назначен директором Ярославского Демидовского лицея.

⁹ Это выражение принадлежит П. А. Капнисту [29, с. 188].

¹⁰ Члены тайного политического общества, созданного студентами Харьковского университета, в своей переписке называют фамилии профессоров, которые были им особенно дороги схожими общественно-политическими взглядами: А. П. Щапов (Казань), П. В. Павлов (Киев), Н. И. Костомаров, К. Д. Кавелин, В. Д. Спасович (С.-Петербург) [30, с. 190, 200, 213, 222].

¹¹ Для студентов, входивших в тайные политические организации, например, для М. Д. Муравского, «университетское дело» воспринималось тождественным «участию в освободительной борьбе» [38, с. 266].